

Есть такая разновидность каторжного отдыха: валить по весне берёзы-красавицы, сучковать белоснежные стволы, распускать напитанные сладким соком прогонистые брёвна на швырки, метровники, деловую древесину. Извечная работа зауральской деревни – заготовка дров на долгую, суровую зиму. За неимением угля и газа приносится в жертву берёзовый лес – школьная, пенсионерская, советская, больничная и другие деляны, превращаемые в кубометры дров.

Ещё не показалась нежно-зелёная листва берёз, но белыми островками цветут подснежники, распустились золотые стародубки, выстрелили в небо стрелки нежного чеснока, проклюнулись ароматные листочки смородины, а кусты ив словно облеплены роем проснувшихся пчёл: расцвели пуховые жёлто-серебристые почки.

Бочаги, болота, колеи заполнены отстоянной до прозрачности водой. Почва в берёзовых рощах, пронзаемых солнечными лучами, высохла до хруста. Весна света сменилась весной воды и сухостоя. Скажете, свет белых берёз и мгла хвойной тайги не чета друг другу – и жестоко ошибётесь. Леса горят одинаково зло и жарко.

Прожорливый огонь, поощряемый молодым весенним ветром, ломится в открытую дверь природы, оставляя за собой чёрную пустыню. В пламени гибнет лесная жизнь: мириады букашек, кладки яиц, проснувшиеся ежи, зайчата-настовики, норные зверюшки, города-муравейники, птахи и бабочки, первые цветы. Умирает едва пробудившееся лесное царство, в котором не жалко разве что поганых клещей.

Подрядись на работу, заключи с колхозом договор, обживи палатку у границы свала, попей водки с лесным начальством, похмелись берёзовым соком, послушай тетеревиный ток, поищи в лесной гущине ветвистые рога косуль и лосей, собери занятные грибы-сморчки, посуши аппетитных карасей, благо мухоты ещё нет. И нет комарья.

Наслаждайся весенним пробуждением природы, дыши волшебным лесным духом, прочисти лёгкие, мозги и... вкалывай до седьмого пота. Так, будучи в молодецкой силе, мы проводили отпуска, стравливая излишки энергии, крепя тела и души, находя в лесной жизни земное счастье высокой пробы.

По соседству с нашей деляной валил лес дюжий до работы мужик с двумя сыновьями, жители колхоза «Заветы Ильича», – деревни с названием Большая Рига, опоясавшей берег озера в Курганской области. Семья бывшего промыслового охотника Валентина Сафронова пробавлялась не традиционным хлебопашеством, а строительным ремеслом. Кирпичный клуб построить, дом срубить, баньку скатать, печь сложить – его работа, которой он жил и кормил семью. Подрабатывал всюду, где нужны руки мастера, призывая в помощь старших сыновей. В ту весну они неспешно валили колхозную деляну, мучая стволы берёз изъеденными цепями бензопилы, подкрепляя силы нехитрой снедью – ржаными сухарями, диким чесноком, сушёными карасями, вкусным домашним хлебом, запивая еду чаем, заправленным смородиновым листом, берёзовым соком, черпая целебный напиток из вместительной молочной фляги.

Сафроновы жили небогато, но дружно. Родители гордились отличной учёбой сыновей-погодков и красавицей-дочкой. Мила и пригожа лицом их Настенька. Но, видать, сглазил её кто-то: прошлым летом девочку укусил энцефалитный клещ, её долго лечили, и сейчас она ходила по деревне с неестественно вывернутой шеей.

Вот сосед, Валентин, с изрубленными, отвисшими до колен руками, напоминающий таинственного лесовина, каким его изображают на иллюстрациях к сказкам, но даже не он самолично, а сын Андрей, готовящийся в солдаты, прокараулил костерок, на котором собрался в отсутствие отца и брата, отлучившихся в деревню, вскипятить чай на смородиновых почках. Всего-то отошёл от огня на несколько

шагов, склонившись над сухой хворостиной, как порыв шального ветра сорвал с горящих дровишек сноп искр, запалив иссохшую, полёгшую в зиму траву: лесной покров в конце апреля – начале мая – сущий порошок. Не проронив ни звука, сжав зубы, парнишка сбивал пламя потрёпанной курткой, забыв о приклонённой к тонкому стволу берёзки старенькой бензопиле. И только когда на ней, попавшей в черту огня, взорвался бензобак и по лесу громыхнуло, мы заметили дым, густыми волнами наплывавший на нашу деляну. На тот момент, свалив на корню деляну у Жужловского бора, мы распускали последние кубометры стволов, мечтая об отдыхе. Бросились помогать парню: пожар грозил уничтожить итог тяжёлого недельного труда, сжечь лагерь со всем имуществом.

От соседей нас отделял берёзовый массив шириной метров триста. Огонь, подгоняемый толчками ветра, неумолимо наползал на нашу территорию, расширяясь на флангах. Вскоре стало ясно – нам его не удержать. Он обязательно доползёт до нашей деляны, напоминающей тесное лежбище тюленей: повсюду, до дальней кромки свала, лежали берёзовые чурки в белой лощёной коре. Огонь поглотит результат тяжкого труда и перекинется на сосновый бор, чьи мачтовые сосны безмолвно вонзались в небо за лесной дорожкой, в десятке шагов от нашей палатки.

Над полотняным шатром реет красный флажок, оборудован очаг, цветут, радуя глаз, подснежники – всё поглотит коварный огонь.

Парни побежали эвакуировать лагерь, а меня откомандировали в деревню за помощью. Плюхнувшись на сиденье жигулей, я вырулил на дорожку, по которой, минуя более надёжный объезд, можно пересечь берёзовый лес, заскочить в бор и по нему выехать в чистое поле. За его гранью чернеют строения деревни. Три чёрными снарядами проскочили дорогу кабаны. В одном заметил сходство с кабанчиком, повадившимся в лагерь. Обтоптал он яму, где хранится запас провизии: картошка, сало, хлеб, крупа. Не на шутку испугал хлопотавшего у очага моего брата Владимира, когда мы с другом Александром отлучились за родниковой водой. Обогнав машину, промчалась косуля. Лавируя между деревьями, пролетели косачи. И только тут дошло: обитатели леса уходят от огня.

Посреди машинно-тракторной мастерской – лужа воды. В ней, как назло, жигули дёрнулись и заглохли. Выскочив из салона, по воде пошёлпал к гаражу, где прежде видел пожарный автомобиль. Мужики подумали, что перед ними чокнутый: измазан сажей, грязный, мокрый, взъерошенный... Но в ситуацию вникли без лишних слов. В кузов грузовичка запрыгнули с десяток парней. Они уже покатали, а красный пожарный автомобиль и моя машина заводиться не хотели. «У жигулей забросало свечи, – зло думал я, – а пожарка почему не заводится? Ей-то положено!» Наконец завелись, поехали. Мужики оторвались на километр, ориентируясь по сгустившейся над бором белёсой завесе

дыма. Спасибо вам, Лёша Шаврин, Федя Калетин, Саша Морозов, лесник Балин. С такими не пропадёшь – хлеборобы, рыбаки, охотники. Лес для них дом родной, а в доме беда!

Десант прибыл на пожар вовремя. Мои парни валились от усталости, продолжая неистово хлестать жаркие языки пламени. Поутих ветер, стало легче догонять огонь. Бились вусмерть, чертыхались, когда начинали тлеть просаленные фуфайки, вспоминали мать твою, когда пожарный автомобиль застревал в берёзах. Вызволяя машину из ловушки, запускали пилу и валили деревья. Только под вечер утихли беготня, рычание моторов, яростный мат лесных огнеборцев. Лесной пожар удалось локализовать по всему фронту. Волна жаркого пламени не опалила вековой сосновый бор. Спасение реликтового хвойного острова от огня стало главной удачей!

Мужики на фоне белых берёз казались чернее ночи, настолько прокоптились угрюмые лица. Чувствовалось, что работой остались довольны: как же – не дали порезвиться огню в беззащитном бору, усладе в праздные дни, кормильце в недород. Андрея Сафронова шибко-то не ругали, понимая, что не по злему умыслу пустил мальчишка пал. Опять же семейство батьки, Валентина-отшельника, в селе уважали. Жалели дочку, укушенную клещом, ценили её отца за безотказную помощь добрым людям. Знали, что трудовое усердие и бескорыстие унаследовали сыновья.

Отробив в весеннем лесу жаркий день, мужики попадали в кузов и отбыли в деревню. Следом, фыркая усталым мотором, тронулся пожарный автомобиль. Мы остались посреди чёрного погорелья. Во что превратилась делянка! Ещё в полдень она сияла атласом берёзового белокорья, девственной белизной распущенных стволов. Каждый швырочек с годовыми кольцами на срезе казался произведением искусства. Жалко распускать на полешки чудо природы, а потом толкать в жаркий зев русской печи. После пожара думал иначе: неэстетично рубить обугленные чурки, складывать полешки в чёрные поленницы, таскать в избу чёрные охапки дров. И печь на чёрных полешках деревенский, самый вкусный хлебный каравай! Вначале распалил себя горькой думкой, а потом охладил нервы. Ничего страшного, зима долгая, в русской печи всё сторит, лишь бы горело жарко да избу грело.

Не спали до рассвета, до утреннего клика журавлей, до воркотни косачей на току, в берёзовом подросте за топким болотом. Уныло бродили с вёдрами по деляне, заливая водой из бочажки светлячки непокорного огня, опасаясь, чтобы от тлеющих головёшек не возгорелось пламя. Проснулись поздно, ближе к полудню, услышав под аккомпанемент заливчатского свиста бодрую команду «Подъём!»

У палатки стояли двое крепких мужичков, представились: «Дубынины мы, из Риги». Весёлые ребята, классно свистят. Один, возрастом постарше, с хорошей улыбкой на добром лице, извинился за громкую побудку и протянул бумагу за подписью

председателя сельсовета. Из неё следовало, что особо прямые берёзовые стволы председатель просит не распускать на швырки, а оставлять для постройки баньки на подворье колхозного бригадира Николая Дубынина.

– Стволов этак сорок хватит баньку срубить, – пояснил Николай. Быстро смекнули, что просьба уместная: не распускать четыре десятка белокорых брёвен – меньше работы.

Второго гостя не знали, но мужчин объединяло внешнее сходство: на деляну пожаловали родные братья, рижане Дубынины. Улучив момент, когда младший братец любовался в сторонке подснежниками, голыми, с набухшими почками берёзами, о чём-то с ними беседуя, – ну, совсем как Егор Прокудин в «Калине красной» Василия Шукшина, – Николай сказал:

– Соскучился брат по весеннему раздолью. Там, в Афгане-то, всё больше горы, а берёзы в дефиците. На сельской околице с вертушки сойдёт, сразу к матушке спешит. По улице марширует, землякам руки жмёт, кого обнимет, к груди прижмёт. Пару деньков с друзьями пообщается, побратничает – и снова на войну. Без берёз не может: они ему сёстры родные, а он – берёзовый генерал! Если богаты, угостите братца берёзовым соком. Вижу, фляга у вас под завязку, полная. Как в песне-то: пусть родина щедро напоит меня...

На вопрос, кто же он, твой братец, – не без смущения, но и не без гордости ответил:

– Вы приезжие, а в нашей деревне его стар и млад знают. Братец мой в Афгане войсками командует. Вот прилетел на побывку, в лес за мной увязался. Пусть гуляет, беседует, прощается с берёзками. И он улетит, и вы свою-то деляну добьёте. Жалко, родные они нам. Да ведь приговорены берёзоньки. Видели – у каждой избы поленица растёт. Климат-то у нас не афганский, зима суровая!

Похоже, колхозный бригадир Николай Дубынин на разговоры был горазд и дюже охоч. Шибко заинтриговал своим братцем. Смущённо умолк, когда к палатке вернулся брат. Тугое, плотное тело афганского гостя облегал спортивный костюм, поверх камуфляжная ветровка – обычный с виду мирянин. Треух на голову, кушак на плечи – будет пахарь. Земля крестьянская много генералов родила. Волевой подбородок, глубокие черты лица, мудрые глаза выдавали берёзового генерала с головой – блестящий офицер, командующий 40-й армией в Афганистане, с могучей русской фамилией Дубынин.

Дома, в краю берёзовом, Николай назвал родного брата берёзовым генералом. На войне он – окопный генерал, так как постоянно находится в частях, в боевых порядках, в районах проведения операций.

Генерал, погуляв по весеннему лесу, пошептавшись с берёзками, вернулся к очагу. Всё увидел, разобрался в обстановке, сказал по-военному кратко:

– У вас тут, смотрю, своя огневая позиция. Молотцы, спасли рижский бор. Богоугодное дело – природу беречь.

Генерал задержал взгляд на наших лицах, словно ожидая реакции на оброненное им слово иного лексического ряда:

– Да, богоугодное. Лес для деревни – наше всё, без древесины жизни нет. Спасибо русской берёзе – быстро растёт, замещает себя! А на плешах новые боры растут. Берёза себя заменит. Возродится самосевом, или лесничество потрудится, – новый лес пойдёт в рост! А кто матерям сыновей вернёт? Год назад в дом зашла моя бывшая учительница. Переступила через порог и – на колени: «Витенька, помоги...» Поднял, на стул усадил, выслушал. Старший сын на срочной службе получил увечье. Так вышло: старший инвалид, а младший – в Афганистане! «Сохрани младшего, спаси последыша», – просила сквозь слёзы любимая учительница биологии Валентина Кузьминична.

Генерал Дубынин просьбу выполнил. Перед генералом стоял худой, стриженный, в шинели и пилотке солдат, прибывший по личному распоряжению командарма из батальона охраны вертолётного полка. Моросил тёплый, мелкий дождь, пропитывая влагой шинель молодого земляка. Обнял, похлопал по спине под мокрой шинелькой. Ошибки не было, перед ним стоял Дмитрий Дроздов, паренёк из родной деревни Рига, выпускник агротехникума, младший сын Валентины Кузьминичны.

– По коже мурашки пробежали, – вспоминал берёзовый генерал, стоя у палатки на кромке огневой позиции, как назвал он деляну за её черный, обугленный вид. – Аэропорт для моджахедов – объект для нападений № 1, стычки там – обычное дело. Помня о мольбе матери, успел выхватить парнишку из огня. Что тут было – обида, даже грубость! Убегал Димка к ребятам своего батальона, но я матери слово дал. Вернулся домой с заслуженной медалью. Цел, невредим, даже не ранен. На околице меня первым у вертолёта встретил. Обнялись, крепко руки пожали.

Генералу Виктору Дубынину были обязаны жизнью многие бойцы и офицеры. Старый друг, сосед по кабульской жизни полковник Владимир Исаков, квартировавший в одном с Виктором Петровичем доме этажом выше, собирал чемодан. В мае 1986 года, сразу после Дня Победы, офицеру пришёл вызов на учёбу из академии Генерального штаба. На операцию по замене афганских пограничников на Парачинарском выступе вместо него собирался другой офицер.

Выступ прикрывал кратчайший караванный путь из Пешавара на Джелалабад и Кабул. По нему из Пакистана (вместе с разной продукцией) регулярно шёл в Афганистан транспорт с боеприпасами, снарядами к самодельным душманским системам залпового огня, с выстрелами к американским переносным зенитным комплексам «Стингер». И раз в год, обычно весной, наши войска проводили там

операцию по замене афганских погранзастав, державших дорогу под контролем. Занимали в ущелье господствующие высоты, перекрывали границу, организуя сравнительно безопасный проход-выход царандоя. К соседу и обратился генерал-майор с предложением:

– Ты столько раз ходил со мной на операцию, сходим вместе напоследок.

У полковника что-то заняло в груди:

– Извини, Виктор Петрович, почему-то не хочется.

– Ну, если боишься, не ходи, – пожал плечами Дубынин.

После таких слов отказаться Исаков не смог.

Они приземлились на Парачинарском выступе, где был оборудован армейский КП, вечером, накануне операции. Утром, едва рассвело, на гору обрушился град реактивных снарядов. На этот раз огонь вёлся с пакистанской территории. За зиму душманы успели как следует пристреляться. Полковник Исаков и ещё несколько офицеров угодили под первые залпы. Позже хирурги извлекают из тела Исакова двадцать четыре стальных осколка.

Генерал Дубынин бросился к рации.

– «Ноль седьмой», – приказал он командиру вертолётного звена, чьи вертушки кружили над ущельем, – срочно ко мне, забрать раненых.

– Не могу, товарищ «первый», – прокричал в наушники пилот, – могут сбить и меня.

– Если ты не сядешь, – гаркнул в микрофон Дубынин, – я собью тебя сам.

И приказал расчёту зенитно-пулемётной установки дать очередь в сторону вертолётов. Одна из вертушек резко пошла вниз, под разрывы «эресов». Истекающего кровью Исакова и других раненых несли к машине под градом осколков. Пара лишних осколков в ноги и руки в расчёт уже не принималась.

Вертолёт взял курс на Кабульский госпиталь, а душманы всё молотили и молотили по выступу, по склонам гор, по окопам, где укрылись наши батальоны. Открыть ответный огонь, подавить душманские реактивные установки Дубынин не имел права – пакистанская территория. Генерал позвонил главному военному советнику в Афганистане, представителю Министерства обороны:

– Разрешите открыть ответный огонь.

– Мы с Пакистаном не воюем, – отрезал тот. – Знаешь, что с нами будет, если Карачи направит в Москву ноту протеста?

Но жизнь солдат и офицеров 40-й армии значила для Дубынина больше, чем крушение карьеры. Нарушая все законы субординации, он позвонил прямо начальнику Генерального штаба. Ответ оказался тем же. Тогда генерал сам поднял в воздух штурмовую авиацию и развернул на окопавшихся на пакистанской территории моджахедов стволы своей реактивной и ствольной артиллерии. Несколько залпов «Ураганов», «Гвоздик», ракет «Грэх» подавили душманские «эресы».

Ноты протеста из Карачи, на удивление, не последовало.

После завершения Парачинарской операции Дубынин появился в палате Исакова. С собой принёс апельсины, бутылку коньяка, наполнил стаканы.

– Прости меня, Володя, – повинился другу, – не понял я тебя тогда.

– Чего уж там, – махнул забинтованной рукой сосед.

Исаков, рассказавший о далёком эпизоде афганской молодости тележурналистам, не раз повторил, что никогда не забудет, кому обязан жизнью. Если бы не генерал Дубынин, вертолёт, вынесший раненых из-под убийственного огня, и своевременно операционный стол в госпитале, вспоминать было бы нечего.

Церковь в селе, не дождавшись помощи от епархии и местной власти, реставрировать не стали, снесли напрочь, разорвав тракторами. Ещё не убрали по берегу озера битый кирпич и мусор, а рядом возвели мемориал памяти в честь погибших на войне земляков. Так во многих российских сёлах и городках, но не все удостоены настоящего танка, присланного генералом и поднятого на постамент.

На митинге по случаю открытия мемориала, уткнувшись очками в бумагу, председатель сельсовета прочитал:

– Глубокий поклон вам, дорогие защитники Отечества, всем, кто пал в боях, служил и воевал, тем, кто служит сегодня, ну и, конечно, сынкам нашим – защитникам завтрашнего дня!

Рижане, стар и млад, от души аплодировали, многие прослезились, вспомнив о полёгших в боях предках – отцах, братьях, сёстрах. Молились и плакали старушки, успевая пошучукать, поворчать на власть и спившегося батюшку, попа Елизара.

– Храм-то в чём виноват, зачем порушили?

– Потому и запил святой отец.

– Будь Витьша дома, не на войне, не позволил бы обидеть церковь-матушку...

Председатель сельсовета, участник Великой Отечественной войны, орденоносец Семён Елисеевич Вострецов поспешил успокоить:

– Деревня зовётся селом Большая Рига. Селу более века. Построим новый храм, краше прежнего. Наш земляк, генерал Виктор Петрович Дубынин, в святом деле поможет, из самой Златоглавой протянет руку.

Мы тогда не знали, что нечаянному гостю лесорубов-шабашников пожалуют после Афгана погоны генерала армии, он поднимется до первого заместителя министра обороны, станет начальником Генерального штаба, навечно войдёт в плеяду прославленных полководцев великой страны, получив посмертно звание Героя Российской Федерации...

Пришёл новый многотрудный день. В голубом апрельском небе над светлым лесным долом прострекотала грозная боевая вертушка. Прощай, берёзовый генерал! Придётся ли когда ещё на весенней делянке, украшенной подснежниками, осушить солдатскую кружку берёзового сока?